

Н. И. Безлепкин

Н. В. ГОГОЛЬ КАК ФИЛОСОФ

В статье исследуются философские взгляды Н. В. Гоголя. На основе анализа литературных произведений великого русского писателя выделяются его философско-антропологические, историософские, эстетические и нравственно-религиозные взгляды в их эволюции. В своих философских взглядах Н. В. Гоголь исходил из представления о том, что к преобразованию общества ведут не изменения его внешней структуры, а внутренние перемены в человеке. Библиогр. 14 назв.

Ключевые слова: исторический индивидуализм, эстетическая антропология, христианская антропология, историософия, эстетический гуманизм, персонализм, Церковь, социальная утопия, западная цивилизация.

N. I. Bezlepkin

N. V. GOGOL AS A PHILOSOPHER

The article investigates the philosophical views of Nikolai Gogol. Based on the analysis of literary works of the great Russian writer we explore the philosophical and anthropological, historiosophical, aesthetic, moral and religious views of the great Russian writer in their evolution. Gogol in his philosophical views proceeded from the belief according to which society is transformed not by change of its outer structure, but by internal changes in a person. Refs 14.

Keywords: Historic individualism, aesthetic anthropology, Christian anthropology, historical philosophy, aesthetic humanism, personalism, Church, social utopia, Western civilization.

В произведениях Н. В. Гоголя (1809–1852), как и большинства классиков русской литературы, присутствует важный пласт философских размышлений, направленных на осмысление в художественной форме основных экзистенциальных проблем бытия. В работах великого русского классика можно выделить «два аспекта: первый — это собственно художественная проза как таковая, явленные ею образы и картины; другой аспект — мирозерцательный, метафизический, философский» [1]. Вычленение в литературном наследии Николая Васильевича Гоголя мирозерцательного, философского аспекта в большинстве исследований сводится либо к религиозно-философскому, либо к эстетическому анализу его произведений. Между тем творчество великого русского писателя следует рассматривать как единое и целостное.

Философские искания Гоголя его современники, например В. Г. Белинский, оценивали как недоработанные, не до конца осмысленные и порой противоречивые, что, однако, не снижает их значимости. У Гоголя не было собственной философской системы, всесторонне и глубоко продуманной, но он был мыслителем, сумевшим подняться до глубоких идейных обобщений. Гоголь не позволял себе довольствоваться только художественными успехами. Его цель, как подчеркивает В. В. Зеньковский, заключалась не в том, чтобы «создать совершеннейшее произведение искусства, а в том, чтобы произвести определенное воздействие на русское

Безлепкин Николай Иванович — доктор философских наук, профессор, Северо-Западный открытый технический университет, Российская Федерация, 195027, Санкт-Петербург, ул. Якорная, 9а; nick-bezlepkin@yandex.ru

Bezlepkin Nikolay I. — Doctor of Philosophy, Professor, North-West Open Technical University, 9a, Yakornaya ul., St. Petersburg, 195027, Russian Federation; nick-bezlepkin@yandex.ru

общество» [2, с.202]. Общественная реакция на его произведения вновь и вновь заставляла Гоголя искать способы исправления нравов в России, принуждала, как он сам отмечал, «творить с большим размышлением» [2, с. 203].

Философский аспект творчества Н.В.Гоголя наглядно проявляется прежде всего в последовательном интересе писателя к проблемам человека. Его философская антропология эволюционирует от «эстетической антропологии» (В.Зеньковский) к христианской. Первый период формирования философского мирозерцания Гоголя был временем эстетического романтизма, периодом моральных исканий, проходивших под влиянием немецкого романтизма, а также собственных размышлений писателя о человеке. Начало этого периода ознаменовалось выходом поэмы «Ганц Кюхельгартен» (1828), представлявшей собой стилизацию в духе немецкого романтизма, целью которой был философский анализ эстетических потребностей человека.

Гоголь, исповедуя идеи эстетического гуманизма, исходил из утопического представления о возможности преображения жизни под воздействием искусства. В статье «Об архитектуре нового времени» (1831) он писал: «Великолепие повергает простолюдина в какое-то онемение — и оно-то и есть единственная пружина,двигающая диким человеком. Необыкновенное поражает всякого» [3, т. VIII, с. 66]. Присущие человеку, по мнению немецких романтиков, «девственные силы» писателем переосмысливаются как те «первичные» силы души, благодаря которым «работает вся история и совершаются все события» [2, с. 195]. Идет ли речь о Черткове из рассказа «Портрет», Андрии из «Тараса Бульбы», Акакии Акакиевиче из «Шинели» или даже Чичикове из «Мертвых душ» — в каждом из них Гоголь находил «поэтическую силу, живущую во всякой душе» [2, с. 195], способную подвинуть человека на преображение своей жизни. В эстетической отзывчивости души писатель видел творческую силу, способную изменить как самого человека, так и его жизнь.

После выхода «Ревизора» Гоголь переоценивает роль «первичных» сил души. Писатель хотел учить публику, вооружать её своими идеалами, ему казалось, что «Ревизор» «произведет какое-то немедленное и решительное действие! Россия увидит в зеркале комедии свои грехи и вся, как один человек, рухнет на колени, залетится покаянными слезами и мгновенно переродится!» [4]. Но этого не произошло. «Ревизор», имевший шумный успех, был принят за обыкновенный фарс и соседствовал в репертуаре театров с теми водевилями и пьесками, которые Гоголь пародировал в своей пьесе.

Эстетическая антропология великого русского писателя, основанная на вере в человека, на поиске красоты, носила не только утопический, но и противоречивый характер. С одной стороны, Гоголь верил в исцеляющую силу любви и красоты, с другой — остро ощущал трагизм любви и двусмысленность красоты в нашем мире. В чем тайна красоты? — спрашивает Гоголь в «Вие», а в «Невском проспекте» отвечает: красота — божественного происхождения, но в нашей «ужасной жизни» она извращена «адским духом». Принять такую жизнь нельзя. Если нужно выбирать между «мечтою» и «существенностью», то художник выбирает мечту. Злая красота нашего мира, по мнению писателя, губит, возбуждая в сердцах людей «ужасную, разрушительную» силу — любовь.

Вариации этой темы мы встречаем и в «Тарасе Бульбе», и в «Записках сумас-

спешшего». Для Андрия зов красоты сильнее чести, веры, родины. От одного дыхания красивой полячки рушатся все его нравственные устои; Гоголь показывает, что красота по самой своей природе аморальна. Как отмечает Ю. В. Манн, Гоголю с молодых лет «было свойственно острое ощущение женской красоты — источника вдохновения, бурных переживаний и одновременно опасного соблазна и губительной угрозы. ...Его не оставляло ощущение трагического несоответствия красоты и моральной правды, но в то же время возникала и мучительная потребность преодолеть эту коллизию. Опору нужно найти в самой красоте, если поставить на службу высокой религиозной нравственности всю силу женского очарования, бездну чувственности, небесного и в то же время вполне земного вдохновения» [5, с. 108].

Невозможность преобразования жизни посредством эстетических переживаний вынудила Гоголя отказаться от возвеличивания искусства и искать пути к его подчинению высшим религиозным задачам. По мнению В. Зеньковского, именно религиозное призвание поэзии, искусства вообще вынуждает писателя к преодолению принципа автономии эстетической сферы и к установлению ее связи со всей целостной жизнью духа, т. е. сферой религиозной [2, с. 197]. Эстетическая антропология у Гоголя уступает место христианской, для которой характерно сочетание морализма и эстетизма, основывающихся на служении Богу. Эстетические переживания в сочетании с напряженным моральным сознанием, по мысли русского классика, только и способны изменить человека, помочь ему преодолеть «разъединенность красоты и добра».

В статье «Скульптура, живопись и музыка» Гоголь подчеркивает невозможность служения искусству без разумения высшей цели, понимания того, зачем дано искусство. Высшую цель автор видел в служении Богу. Искусство является для него «ступенями к христианству» — в этом и заключается, по его мнению, религиозная функция искусства. Литература для Гоголя — это своего рода религиозное поучение, в котором происходит борьба добра со злом: сатана связан и предан осмеянию («Ночь перед Рождеством»), бесы посрамлены («Сорочинская ярмарка»), нечистая сила обезврежена и порок наказан («Вий»). В отступлении от евангельского завета любви к ближнему Гоголь видел как трагизм истории, так и антропологическую катастрофу, наступлению которой противостоит православная культура, ценностный смысл которой показан Гоголем в повести «Старосветские помещики» (1832–1835). В этой повести Гоголь пишет: «...по странному устройству вещей, всегда ничтожные причины родили великие события и, наоборот, великие предприятия оканчивались ничтожными следствиями. Какой-нибудь завоеватель собирает все силы своего государства, воюет несколько лет, полководцы его прославляются, и наконец всё это оканчивается приобретением клочка земли, на котором негде посеять картофеля; а иногда, напротив, два какие-нибудь колбасника двух городов подерутся между собой за вздор, и ссора объедет наконец города, потом веси и деревни, а там и целое государство» [3, т. II, с. 28]. Писатель иронизирует над такой историей, над великими историческими событиями, цель которых — убийство. Философский смысл истории Гоголь видит в идее мира, в торжестве согласия и примирения. Размышления о принципиальных различиях между самобытной («старосветской») культурой России и новейшим европейским просвещением «цивилизованного» Петербурга, между «несовременным», но культурно ценным

Римом и духовно пустым, суетным Парижем в повести «Рим» (1842) приводят Гоголя к выводу, что духовная деградация мира может быть остановлена любовью, которая выполняет миссию «удерживающей культуры».

Гоголь верил в возможность преобразования пошлой и низкой действительности в мир возвышенный. Все бесчестия, столь талантливо выведенные писателем в его произведениях, были связаны «с неразвитостью и нераскрытостью личности в России, с подавленностью образа человека» [6]. Как точно подметил Д. Чижевский, как ни ничтожен мир земной, но он, по Гоголю, только «испорчен». ««Мерзости», «плуты», «подлые», «взяточники» — во всех них писатель считает необходимым прежде всего увидеть скрытое или искаженное добро. И основной путь — любовь к человеку. Может быть, иной совсем не рожден бесчестным человеком, может быть, одной капли любви к нему было бы достаточно для того, чтобы возвратить его на прямой путь, полагал Н. В. Гоголь» [7, с. 304].

Следуя традициям отечественного любомудрия, русский классик видел главную цель в том, чтобы начертать пути жизнеустройства, основываясь на постижении человеческой природы. Вот почему герои произведений великого русского писателя социальны. Чичиков у Гоголя есть «общая формула» цивилизованного человека. Чичиковы, отмечает Н. А. Бердяев, «скупают и перепродают несуществующие богатства, они оперируют с фикциями, а не реальностями, они превращают в фикцию всю хозяйственно-экономическую жизнь России» [6]. Ради своей «шинели» (голландских рубаш и заграничного мыла) Чичиков пускается в аферу. Впрочем, по справедливому замечанию В. В. Набокова, «пытаясь покупать мертвецов в стране, где законно покупали и закладывали живых людей, Чичиков едва ли серьезно грешил с точки зрения морали» [8, с. 79]. Как бы там ни было, Чичиков — единственный персонаж поэмы, который что-то делает. Гоголь угадывает в нем будущего буржуа, и Русь-тройку он запряг, чтобы везла она Чичикова, — других не было. Из итальянского далёка Гоголь взирал на родину взглядом государственного человека. «Чтобы Россия пришла в движение, чтобы и вправду посторонились “другие народы и государства”, надо, чтобы аллегорической тройкой управлял Чичиков — средний, рядовой, мелкий человек» [9, с. 139]. «Припряжем подлеца», — говорит Гоголь, пристраивая Чичикова к птице-тройке, — но сделаем так, чтобы в подлеце родился человек. Чтобы он, осознав низменность своей цели, направлял хватку, сметку, волю на подвиг христианского труда и государственного строительства [9, с. 139].

Для русской литературы и философии всегда был характерен персонализм, основанный на убеждении, что без постижения сущности личности нельзя обсуждать другие вопросы. Вот почему в центре внимания постоянно оказывался не столько человек как природное существо, сколько неисчерпаемый духовный опыт личности, смысл индивидуального и коллективного бытия. К. Мочульский, исследуя духовный путь Гоголя, отмечал, что ядро классической русской культуры связано не с образом «внешнего» человека и идеей радикального преобразования общества, как это виделось, например, В. Г. Белинскому, а с мотивом христианского совершенствования личности [4].

Христианская антропология не случайно занимает значительное место в творчестве писателя, ибо с ней связаны духовный путь Гоголя и понимание им смыслов «душевного воспитания» (термин, впервые использованный автором в 1842 г.

и ставший излюбленным). Внутренние душевные изыскания заставили его в некоторой степени пересмотреть свои взгляды на писательство. Гоголь начал пересмотр своих воззрений с самого себя: морализм, выросший из повышенного личного самосознания, всё больше подталкивает его к душевному самовоспитанию. При этом исходным пунктом является новая оценка писателем своего внутреннего мира, новое самосознание.

Стремление Гоголя изложить свое новое мирозерцание нашло отражение в издании, получившем название «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), которое знаменовало как завершение эволюции философских воззрений писателя, так и обращение его к историософскому анализу наиболее значимых сторон мировой цивилизации и российского общества. По мысли Е. И. Анненковой, эта книга представляет собой «некое особое явление, в котором две ведущие тенденции времени — интерес к общественной проблематике и поиск религиозно-духовного содержания жизни — предстали... в единстве» [10, с. 8]. Завершая работу над этой книгой, Гоголь отмечал: «Печатаю я ее в твердом убеждении, что книга моя нужна и полезна России именно в нынешнее время» [3, т. XIII, с. 177]. От скрытой рефлексии в ранних произведениях писатель приходит к открытой проповеди, главным вопросом которой является проблема обустройства России.

Книга «Выбранные места из переписки с друзьями», ставшая плодом одиннадцатилетних размышлений русского писателя, представила изложение социальной утопии, основной частью которой являлся проект общества с тотальной «домостроевской» регламентацией всех сторон бытия, в котором идеальное государство мыслилось как земное подобие Небесного Царства, а идеальный монарх — как проповедник идей Бога. Отсюда — метафизическое и теологическое обоснование царской власти и социальной иерархии. Основное содержание книги можно определить как поиск будущей духовной сущности России.

Никакой «перепиской с друзьями» Гоголь в этой книге не пользовался, только очень немногие статьи варьируют отдельные мысли, ранее вошедшие в действительные письма. Это чисто литературное произведение — ряд статей, которым (и то не всем) придана лишь форма писем, иногда к реальным, а иногда к мнимым адресатам. Книга Гоголя основывается на анализе состояния художественной литературы, социального статуса помещика, роли женщины в созидании и сохранении культуры, способной воздействовать на мир, наконец, просветительской функции религии как хранительницы духовной культуры народа. Гоголь возрождает библейскую традицию пророческих обличений и апостольских проповедей и уже в первых главах заявляет о своем желании воздействовать на общество. Писатель разрабатывает различные формы влияния на общество: влияние женщины в свете; влияние «губернаторши», изгоняющей взятки и несправедливости; влияние поэта; влияние «публичного чтения», от которого «потрясутся и те, которые не потрясались никогда от звуков поэзии»; влияние писателей-драматургов; влияние Церкви на паству; влияние на человека «страданий и горя», которыми «определено нам добывать крупичицы мудрости, не приобретаемой в книгах» [3, т. VIII, с. 234, 282]. Программа борьбы со злом, по Гоголю, «должна быть самая простая, практическая, утилитарная... Искусство, литература, эстетика — не автономны; существование их оправдывается только пользой, которую они приносят человечеству» [3, т. VIII, с. 282].

«Выбранные места из переписки с друзьями» наиболее полно выражают историософские взгляды Гоголя, которые он излагал еще в ранний период своего творчества, занимаясь преподаванием в Патриотическом институте и Петербургском университете. Эти взгляды занимают важное место в его творчестве, являются отражением интереса писателя к мировой истории и месту в ней человека.

В прочитанной в Петербургском университете лекции о багдадском калифе Ал-Мамуне, на которой присутствовали А. С. Пушкин и В. А. Жуковский, Гоголь характеризовал калифа как покровителя наук, исполненного «жажды просвещения», видевшего в науках «верный путеводитель» к счастью своих подданных. Однако калиф, по мысли Гоголя, способствовал разрушению своего государства: «Он упустил из вида великую истину: что образование черпается из самого же народа, что просвещение наносное должно быть в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий» [3, т. VIII, с. 79]. Подобные мысли Гоголь высказывал и позднее. В программной статье «О преподавании всеобщей истории» (1835) Гоголь писал, что цель его — образовать сердца юных слушателей, чтобы «не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными своему отечеству и государю» [3, т. VIII, с. 39]. Историю человечества Гоголь представляет как историю народов, при этом в её освещении всё-таки доминирует исторический индивидуализм. Роль народов у Гоголя сведена к роли косных масс, которые или идут за вождями, или подавляются железной волей личностей. Кир, Александр, Колумб, Лютер, Людовик XIV, Наполеон — вот, по гоголевской схеме, вехи мировой истории.

Исторический индивидуализм Гоголя проистекал из его философской антропологии, согласно которой человек словно отказывается от самостоятельного, сознательного восприятия действительности, вернее, даже не подозревает, что это возможно. «Мало того, — отмечает П. М. Бицилли, — гоголевский человек и видит, в буквальном смысле слова, то, что перед ним, так, как ему сказано видеть... Без толчка извне гоголевский человек в большинстве случаев неспособен действовать... Все гоголевские люди — “мертвые души”» (цит. по: [1]).

Историософские взгляды Гоголя формировались в период культурного противостояния западников и славянофилов, поэтому особый интерес он проявлял к эпохе заката Древнего Рима и прихода ему на смену варваров [11, с. 357]. В статье «О движении народов в конце V века» (1834), а затем в отрывке «Рим» Гоголь раскрывает влияние греко-римской культуры на развитие других народов. Он пишет, что эта культура сумела пересоздать варварские племена Европы, вытащив их из дикости, ибо «не умерла Италия... слышится ее неотразимое вечное владычество над всем миром, вечно веет над нею ее великий гений, уже в самом начале завязавший в груди ее судьбу Европы, внесший крест в европейские темные леса, захвативший гражданским багром на дальнем краю их дикообразного человека, закипевший здесь впервые всемирной торговлей, хитрой политикой и сложностью гражданских пружин, вознесшийся потом всем блеском ума, венчавший чело свое святым венцом поэзии и... искусствами... которые дотол не подымались из лона души его» [3, т. III, с. 242]. Постепенно это движение культуры втягивает в свою орбиту все страны, включая и Россию. Однако далее, с обострением социально-экономических и культурных противоречий как в России,

так и в Западной Европе, позитивное влияние европейской культуры ставится Гоголем под сомнение.

Любопытен в этом смысле выведенный во втором томе «Мёртвых душ» образ генерала Бетрищева, который считал, что стоит только одеть русских мужиков в немецкие штаны, так сразу «науки возвысятся, торговля подымится и золотой век настанет в России». Прозападно ориентированные русские интеллигенты, по Гоголю, принадлежат к числу тех доморощенных умников, о которых Костанжогло — ещё один персонаж второго тома «Мертвых душ» — иронически замечал, что они, «не узнавши прежде своего, набираются дури вчуже». Необходимо, подчеркивал Гоголь, чтобы русский гражданин не только знал дела Европы, но прежде всего не упускал из виду русские начала, в противном случае «похвальная жадность знать чужеземное» не принесёт добра: «И прежде и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит» [3, т. VIII, с. 436].

В цикле «Петербургские повести» Гоголь указывает на внутреннее опустошение Европы и растущую в ней власть прагматического мещанства, отказ от поиска «сокровищ на небе» и собирание «сокровищ земных», что чревато угрозой отпадения от Бога. Более всего это выразилось в эстетическом падении Европы и рождении пошлости. За наружным блеском и благоустройством Запада Гоголь усматривал зачатки социально-политических катастроф. «В Европе завариваются теперь повсюду такие сумятицы, что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются, и перед ними будет ничтожная вещь те страхи, которые вам видятся теперь в России» [3, т. VIII, с. 343–344]. Критикуя современную ему западную цивилизацию, Гоголь полагал, что только православие сохранило всю глубину христианства, препятствуя отходу человечества от Бога.

Гоголевское понимание исторического места России, утверждение ее мессианской роли в мире опираются не на внешние благоустройства, международный авторитет страны или ее военную мощь, а на духовные устои национального характера. Взгляд Гоголя на Россию — это прежде всего взгляд христианина, сознающего, что все материальные богатства должны быть подчинены высшей цели и направлены к ней. Постижение России, считал он, возможно через познание природы русского национального характера. Гоголь, где только мог, писал о Руси, русском человеке, Русской земле, русской душе и духе. Его «Тарас Бульба», по верному наблюдению исследователей, «оказался языческим русским эпосом, которого так не хватало российской письменной литературе и который произвел главный дефицит русской словесности — сильных нерассуждающих героев, красивых, как в скандинавских сагах, во всех измерениях» [9, с. 130]. С вершин истории отечественной литературы гоголевский «Тарас Бульба» оценивается как идеологическое, патриотическое произведение высокого качества, которому нет равных [9, с. 128, 130].

По Гоголю, национальный характер не есть нечто раз и навсегда данное, неподвижное. Обладая некоторыми вечными, «субстанциональными» чертами, он формируется и видоизменяется под влиянием определенных географических и исторических условий. Противопоставляя Россию зарубежным странам, Гоголь отмечал, что Россия — еще «растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму», она еще имеет возможность выбросить, оттолкнуть от себя все

неприличное и внести в себя то, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней.

Находясь под влиянием славянофилов, Гоголь считает Россию страной, особо избранной Промыслом Божиим. «Зачем же ни Франция, ни Англия, ни Германия не заражены этим поветрием и не пророчествуют о себе, а пророчествует только одна Россия? Затем, что она сильнее других слышит Божию руку на всем что ни сбывается в ней и *чуёт приближение иного царствия*: оттого и звуки становятся библейскими у наших поэтов». Россия ближе других стран подошла ко Христу; в народной душе бессознательно живет правда Христова. Русское государство — христианское, более того, «небесное государство», почти что царство Божие. «Служить теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом небесном государстве, главой которого уже Сам Христос» (цит. по: [4]). Для Гоголя понятие христианства выше цивилизации. Залог самобытности России и главную ее духовную ценность он видел в Православии. В такой характерной для Гоголя гиперболической форме выражена русская мессианская идея.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь выступил в роли мыслителя, стремящегося к установлению наилучшего устройства страны, единственно правильной иерархии должностей, при которой каждый выполняет свой долг на своем месте и тем глубже сознает свою ответственность, чем это место выше. Вера в человека, хотя бы и находящегося в состоянии духовного сна, отмечает В. Зеньковский, «есть тот принцип, на котором стоял Гоголь, и, опираясь на него, он строил свой план “общего дела”, устройства жизни на христианских началах. Именно этот пафос положительного строительства определял у Гоголя и критику современности, и его мечтания о том, как “на каждом месте” можно служить Христу и найти путь жизни» [2, с. 217]. Все вопросы жизни — бытовые, общественные, государственные, литературные — имели для него религиозно-нравственный смысл. Признавая и принимая существующий порядок вещей, он стремился к изменению общества через преобразование человека. Важно при этом то, что Гоголь размышляет уже не только о «русском человеке», как это делали, в частности, славянофилы, но о человеке как таковом. И свою книгу писатель называл «пробным камнем для узнавания нынешнего человека» [3, т. XIII, с. 286].

В историософии Гоголя судьбы России, Церкви и самодержавия тесно переплетены. Государь у него — «образ Божий» на земле, воплощающий собой не только долг, но и любовь. «Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значенье свое — быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь» [3, т. VIII, с. 256]. Рассматривая будущую Россию как теократическое государство, Гоголь не скрывал своих симпатий к дворянству как образованному классу. В своем «истинно русском ядре», считал Гоголь, это сословие прекрасно, оно является хранителем «нравственного благородства» и требует особенного внимания со стороны Государя. Перед дворянством Гоголь ставил две задачи: «сослужить истинно благородную и высокую службу Царю», став «на неприманчивые места и должности, опозоренные низкими разночинцами», и войти в «истинно русские» отношения к крестьянам, «взглянуть на них как отцы на детей своих» [3, т. VIII, с. 361–362].

Причины петровских преобразований Гоголь объяснял необходимостью «пробуждения» русского народа, а также тем, что «слишком вызрело европейское просвещение, слишком велик был наплыв его, чтобы не ворваться рано или поздно

со всех сторон в Россию и не произвести без такого вождя, каков был Петр, гораздо большего разладу во всем, нежели какой действительно потом наступил» [3, т. VIII, с. 369]. В крепостном праве он видел прямое следствие петровских преобразований и призывал подумать заблаговременно о том, чтобы «освобождение не было хуже рабства» [12, с. 402]. В сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ» помещик Хлобуев говорит о своих крестьянах: «Я бы их отпустил давно на волю, но из этого не будет никакого толку» [3, т. V, с. 415]. В то же время Гоголь неустанно напоминал о священных обязанностях помещиков по отношению к крестьянам. Подлинную отмену крепостной зависимости он видел не в европейской пролетаризации русского крестьянства, а в превращении дворянских имений в монастырские по духу, где задача вечного спасения займет подобающее место.

Историософские размышления Н. В. Гоголя носили консервативно-религиозный характер и выпадали из контекста современной ему социально-политической обстановки, что и вызвало бурную реакцию на публикацию «Выбранных мест из переписки с друзьями». Упреки в большинстве своем касались двух предметов — искажения российской действительности и клеветы на русский народ. Негативная реакция на книгу последовала как со стороны радикально настроенной интеллигенции, например А. И. Герцена и В. Г. Белинского, так и со стороны клира (в частности, весьма негативно отозвался о книге отец Матвей Константиновский, сыгравший роль в сожжении писателем второго тома «Мертвых душ»). Наиболее тяжелые обвинения последовали со стороны В. Г. Белинского, который в своем знаменитом письме писал: «От вашей книги отступились даже люди, по-видимому, одного духа с ее духом», имея в виду славянофилов, близких идейно и лично Гоголю того времени [13, с. 6].

Реакция на книгу Гоголя показала, что русское общество распалось на два лагеря, позиции которых отличались отношением к проблеме исторического и религиозного призвания России. Очень немногие из современников писателя смогли понять его умонастроение. К их числу прежде всего относятся П. Я. Чаадаев и А. С. Хомяков. Так, Чаадаев, не вполне соглашаясь с гоголевской оценкой русской церкви и её положения в обществе, в письме к П. А. Вяземскому поддержал восторженный тон его рассуждений о Гоголе: «...При некоторых страницах слабых, а иных и даже грешных, в книге его находятся страницы красоты изумительной, полные правды беспредельной, страницы такие, что, читая их, радуешься и гордишься, что говоришь на том языке, на котором такие вещи говорятся» [5, с. 121]. Хомяков, ознакомившись с книгой, отозвался о Гоголе как о самостоятельном мыслителе.

С выходом «Выбранных мест» в России началась эпоха, названная Н. А. Бердяевым «новым средневековьем», а противостояние двух мыслителей — Гоголя и Белинского — знаменовало начало секуляризации отечественной культуры. Д. Чижевский замечает, что книга Гоголя представляла собой не «проблески безумия» и отнюдь не реакционный политический шаг, но плод влияния на его творчество святоотеческой литературы и протестантских представлений [7, с. 310]. Это влияние прослеживается в провозглашении Гоголем необходимости «воцерковления» всей русской жизни как условия духовного возрождения России.

Вслед за славянофилами Гоголь усматривает в Церкви способ нахождения себя. Близко Гоголю и понимание славянофилами человеческого существования как «тварного бытия, освещаемого Церковью как источником света». «Есть

примиритель всего внутри самой земли нашей, который покуда еще не всеми видим, — наша Церковь... В ней заключено всё, что нужно для жизни истинно русской, во всех ее отношениях, начиная от государственного до простого семейственного, всему настрой, всему направленье, всему законная и верная дорога» [3, т. VIII, с. 283–284]. Никакие благие преобразования в стране невозможны без благословения Церкви: «По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословенья. Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым» [3, т. VIII, с. 284].

Идеал воцерковления всей русской жизни, выдвинутый Гоголем, основан на его глубоком убеждении в соборности Церкви. Люди — братья, живущие друг для друга, связанные общей виной перед Господом, круговой порукой и ответственностью. Всякий индивидуализм и эгоистическая обособленность — от дьявола. В духовной области нет частной собственности: всё Божие, все дары посылаются для всех. С горечью пишет Гоголь в «Выбранных местах» об отсутствии подобного соборного согласия, о том хаосе и разладе, который царит вокруг и который впоследствии Достоевский назовет «обособлением»: «Теперь все между собой в ссоре, и всяк друг на друга лжёт и клеветает беспощадно... Все перессорились: дворяне у нас между собой как кошки с собаками; купцы между собой как кошки с собаками; мещане между собой как кошки с собаками... Даже честные и добрые люди между собой в разладе; только между плутами видится что-то похожее на дружбу и соединение в то время, когда кого-нибудь из них сильно станут преследовать» [3, т. VIII, с. 304–305].

Главный источник подобной разобщенности и вражды, считает Гоголь, — это роскошь, к искоренению которой необходимо стремиться каждому: «Гоните эту гадкую скверную роскошь, эту язву России, источницу взяток, несправедливостей и мерзостей, какие у нас есть. Если вам только одно это удастся сделать, то вы уже более принесете существенной пользы, чем сама княгиня О. А это, как вы сами видите, даже не требует никаких пожертвований, даже и времени не отнимает» [3, т. VIII, с. 309–310]. Вместе с тем Гоголь призывает не отчаиваться и не приходить в смущение от внешних беспорядков, но стараться навести порядок в собственной душе: «Недурно заглянуть всякому из нас в свою собственную душу. Загляните также и вы в свою. Бог весть, может быть, там увидите такой же беспорядок, за который браните других... Не бежать на корабле из земли своей, спасая своё презренное земное имущество, но, спасая свою душу, не выходя вон из государства, должен всяк из нас спасать себя самого в самом сердце государства» [3, т. VIII, с. 344–345]. Свои надежды на спасение души писатель связывает с природой русского человека, который, по его словам, умеет быть благодарным за всякое добро и который, как только заметит, что другой проявляет к нему участие, сам уже готов чуть не просить прощения.

Книга «Выбранные места из переписки с друзьями» не стала духовным манифестом своего времени, хотя Гоголь и пытался с ее помощью выстроить модель развития России на основе ценностей православной культуры. Эту книгу можно принимать или отвергать, но нельзя отрицать ее значительности. «Выбранные места...» есть плод долголетней, напряженной нравственной рефлексии, большого духовного опыта. «В нравственной области Гоголь был гениально одарен; ему было

суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие «великую русскую литературу», ставшую мировой, были намечены Гоголем: ее религиозно-нравственный строй, ее гражданственность и общественность, ее боевой и практический характер, ее пророческий пафос и мессианство» [4]. Н. Г. Чернышевский подчеркивал в свое время, что произведения искусства не только «воспроизводят жизнь и объясняют ее», но имеют еще и третье значение — «значение приговора о явлении жизни» [14]. Произведения Гоголя в полной мере являлись приговором явления российской действительности, имели пророческий смысл.

Обращение к философским аспектам творчества великого русского писателя Н. В. Гоголя позволяет существенно расширить горизонты понимания произведений писателя и проникнуться его пророческими идеями. Гоголь не только вынес «приговор явлениям русской жизни», но и сумел показать пути переустройства российской жизни на основе красоты, любви к человеку, служения Отечеству. Обращенный к себе призыв Гоголя «творить с большим размышлением» вполне может быть воспринят каждым как неперемное условие осознанного образа жизни, способности рефлексировать окружающий мир и самого себя.

Литература

1. *Воропаев В. А.* Русская эмиграция о Гоголе // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37129.php> (дата обращения: 05.10.2014).
2. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997. 368 с.
3. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. II. 1937. 762 с.; Т. III. 1938. 726 с.; Т. V. 1949. 508 с.; Т. VIII. 1952. 816 с.; Т. XIII. 1952. 564 с.
4. *Мочульский К. В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. URL: http://www.royallib.com/read/k_mochulskiy/gogol_solovev_dostoevskiy.html (дата обращения: 05.10.2014).
5. *Манн Ю. В.* Гоголь. Книга третья. Завершение пути: 1845–1852. М.: Изд-во РГГУ, 2013. 497 с.
6. *Бердяев Н. А.* Духи русской революции. URL: http://www.elib.spbstu.ru/dl/327/Theme_9/Sources/Berdajev_duhi.pdf (дата обращения: 05.10.2014).
7. *Чижевский Д. И.* Неизвестный Гоголь // Русские философы. Конец XIX — середина XX века. Антология / сост. А. Филонова. М.: Книжная палата, 1996. С. 296–324.
8. *Набоков В. В.* Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1996. 440 с.
9. *Вайль П., Генис А.* Родная речь: Уроки изящной словесности. М.: Изд-во КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2011. 256 с.
10. *Анненкова Е. И.* Гоголь и русское общество. СПб.: Росток, 2012. 752 с.
11. *Кантор В. К.* Русская классика, или Бытие России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. 768 с.
12. *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М.: Русская книга, 1994. 779 с.
13. *Белинский В. Г.* Письмо к Гоголю. М.: Художественная литература, 1956. 29 с.
14. *Чернышевский Н. Г.* Эстетические отношения искусства к действительности. URL: <http://www.smalt.karelia.ru/~filolog/lit/ch118.pdf> (дата обращения: 10.10.2014).

Статья поступила в редакцию 16 марта 2015 г.